УДК 94(47).065(571)
DOI: 10.51255/2311-603X_2021_2_60

**А. В. Дмитриев**

# Семейное положение унтер-офицеров полевых полков русской армии в Сибири середины XVIII века

Среди множества проблем, касающихся истории офицерского корпуса русской регулярной армии в XVIII столетии, едва ли не самым слабо изученным вплоть до настоящего времени остается вопрос о семейном положении армейских офицеров. Сколько-нибудь систематизированных данных относительно наличия у офицеров семей и численности потомства мы не находим ни в обобщающих трудах по истории русской армии XVIII в.[1], ни в работах, специально посвященных изучению ее офицерского корпуса[2]. Точно так же мы не обнаруживаем соответствующих сведений и в публикациях, рисующих картину повседневной жизни и быта военнослужащих[3]. Работы П. П. Щербинина вносят определенный вклад в решение этого вопроса, но у него речь идет, как правило, о рядовом составе, а не об офицерском корпусе[4]. Лишь в диссертационном исследовании Г. В. Калашникова один из параграфов второй главы специально посвящен анализу данных о семейном положении офицеров русской армии в период с 1725 по 1745 г., но и он насчитывает всего несколько страниц[5]. Таким образом, вряд ли будет преувеличением утверждать, что семейная жизнь офицеров попрежнему остается своего рода terra incognita в рамках проблемного поля изучения русской армии XVIII в. Между тем даже минимальный анализ данных о семейном положении военнослужащих может показать, как влияли условия армейской службы на возможности вступления в брак и обзаведения потомством, благоприятным или

сдерживающим оказывалось это влияние в тех или иных конкретных ситуациях, насколько благополучно выглядело офицерство как социально-профессиональная группа в структуре населения Российской империи с точки зрения потенциала демографического развития и т. д.

С другой стороны, при изучении офицерского корпуса бросается в глаза значительно большее внимание, уделяемое исследователями штаб- и обер-офицерам в сравнении с унтер-офицерскими чинами; положение унтер-офицеров, как правило, вообще не рассматривается отдельно[6]. Подобная ситуация вряд ли может считаться оправданной и справедливой. Не следует забывать, что именно унтер-офицеры несли прямую ответственность за поддержание порядка среди своих подчиненных, отвечали за ежедневное обучение и готовность к исполнению своих обязанностей рядовым составом. Именно на унтер-офицерах держался надлежащий уровень дисциплины и боевой подготовки русской армии как в XVIII в., так и в последующие периоды. Носителями унтер-офицерских чинов (тогда их еще называли «урядниками») в середине XVIII в. были: сержанты (в драгунских полках — вахмистры), подпрапорщики, каптенармусы и фурьеры (в драгунских полках — квартирмейстеры). Сержанты (вахмистры) считались старшими унтер-офицерами в роте. В обязанности сержанта входило ежедневно (утром и вечером) рапортовать капитану о состоянии роты и смотреть за порядком в ней. Подпрапорщик был помощником и заместителем у младшего ротного обер-офицера, прапорщика. Каптенармус следил за исправностью вооружения и амуниции, заведовал раздачей пороха и свинца. Фурьер (у драгун — квартирмейстер) занимался размещением роты по квартирам или в полевом лагере[7].

Дополнительную сложность при изучении поставленного вопроса представляет и состояние источниковой базы. Единственной разновидностью источников, содержащих максимально подробные сведения о личном составе армейских частей за XVIII столетие, остаются смотровые и послужные списки из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Характеризуя во введении к подготовленному им справочнику содержание этих списков и возможности их использования исследователями, К. В. Татарников уделил внимание в первую очередь тем данным, которые характеризуют социальное происхождение, продвижение в чинах и боевые заслуги военнослужащих русской армии XVIII в. Что касается семейного положения и потомства, то по данному аспекту он лишь счел нужным отметить, что графа, свидетельствовавшая о наличии жены и детей, использовалась до 1793 г. только для нижних чинов, а для офицеров — лишь в смотровых списках в период с 1731 по 1748 г.[8] В последних при этом содержалась оговорка «кроме шляхтичей», т. е. предписывалось отмечать, «кто женаты, и сколко имеют детей мужеска полу, и в каковы лета, и где живут»[9], только для лиц, происходивших из непривилегированных социальных слоев. Это, безусловно, заметно ограничивает

возможности историка, работающего с этими материалами, но все-таки дает основания для определенных выводов при изучении личного состава конкретных воинских частей.

Для настоящего исследования нами были избраны находящиеся в ф. 490 РГВИА («Коллекция офицерских сказок») смотровые списки четырех полевых полков, дислоцированных на территории Сибири в конце 1740-х гг.: Нотебургского пехотного, Вологодского, Луцкого и Олонецкого драгунских[10]. Первые три датированы 1748 г., а последний — 1749 г. Все эти воинские части лишь недавно (в 1744–1745 гг.) были переведены на «восточную окраину» империи из губерний европейской части страны[11], однако их личный состав (в том числе и унтер-офицеры) представлял собой вполне типичную картину по большинству параметров: возраст, социальное происхождение и т.д.[12] Поэтому мы имеем основания квалифицировать изученные нами данные как достаточно репрезентативные, хотя и с поправкой на специфические условия жизни и службы в Сибири — самом отдаленном регионе империи. Нотебургский пехотный полк насчитывал 63 унтер-офицера (по штату не хватало только двоих подпрапорщиков), все драгунские полки — по 44 чел. (укомплектованы полностью). То обстоятельство, что в пехотном полку числилось почти в полтора раза больше унтер-офицеров, чем в любом из драгунских, объясняется, во-первых, тем, что в каждой пехотной роте было по двое сержантов (в драгунских ротах — только по одному вахмистру)[13], и во-вторых, предпринятой как раз в 1740-х гг. реорганизацией полевой «инфантерии». Если ранее армейские пехотные полки состояли только из двух батальонов по четыре роты в каждом (плюс одна гренадерская рота на полк), то теперь к ним добавили третий батальон: «При Елизавете Петровне численность полков была увеличена: в 1747 г. к двум существовавшим был добавлен третий батальон из 4 мушкетерских рот»[14]. Из 195 чел. лицами недворянского происхождения оказались 97, правда, данные о семейном положении приведены в списках только для 89 чел.[15] Именно они и будут предметом нашего внимания.

Среди интересующих нас 89 чел. женатыми в списках показаны 30, холостыми — 59. Таким образом, семьями в полевых полках за Уралом успела обзавестись фактически треть унтер-офицеров. Этот показатель представляется достаточно высоким, особенно с учетом того, каков был объем служебных обязанностей этих чинов, вряд ли оставлявший хоть сколько-нибудь времени на личную жизнь. Те же, кто оставались холостяками, могли предпочитать бессемейную жизнь в силу разных причин. Скажем, лица, находившиеся в преклонном возрасте (50 лет и более), но не продвинувшиеся даже до обер-офицерских чинов, скорее всего, уже не могли рассчитывать встретить свою вторую половину, ведь большая часть их жизненного пути была к тому времени позади. Например, подпрапорщику 8-й роты Олонецкого полка Ивану Ерохину, происходившему из однодворцев Ливенского уезда, исполнилось 60 лет, в армии он служил с 1720 г. (т.е. фактически половину своей жизни), но так и не продви-

нулся в чинах, видимо, из-за того, что был неграмотным и не демонстрировал сколько-нибудь существенного рвения. Через пять лет, в 1754 г., он попросился в отставку и был «выключен» из рядов полка[16]. Каптенармус 3-й роты Нотебургского полка Иван Панов имел необычную биографию. На военную службу он попал в возрасте 50 лет, только в 1742 г., а до этого служил канцеляристом в г. Саранске. При этом отмечалось, что он «имеет по переписи 24 души мужеска полу»[17], т. е., хотя и не будучи дворянином, располагал двумя с лишним десятками душ (правда, не крестьян, а дворовых). Трудно сказать, что заставило его избегать семейной жизни до поступления в армию, но после этого он также вряд ли мог рассчитывать на женитьбу, хотя наличие дворовых людей могло бы стать в этом отношении благоприятным фактором.

Однако гораздо больше среди холостых унтер-офицеров была представлена молодежь, лишь недавно начавшая службу. Каптенармус гренадерской роты того же Нотебургского полка 23-летний Петр Силин, солдатский сын из Санкт-Петербурга, попал в армию шесть лет назад, будучи в возрасте 17 лет, так что по понятным причинам не мог еще задумываться о браке[18]. В Луцком полку служили подпрапорщиками солдатские дети, 24-летние уроженцы Смоленска Петр Пряженков и Григорий Костылев[19], в Вологодском в тех же чинах — их ровесники, посадские из Ярославля Михаил Морякин и Федор Хлебников[20]. Последний, несмотря на молодость, как раз в 1748 г. угодил в неприятную историю: «В 748 году в Ялуторовском дистрикте по прозбе обывателей на него за некоторые им партикулярные обиды был под следствием, за что штрафован батоги и написан ис подпрапорщиков на месец в редовые, а по прошествии того термина тот чин ему отдан»[21]. Он продолжал службу в Сибири по крайней мере до 1772 г., когда уже числился «сверх комплекта» поручиком во 2-м Тобольском гарнизонном пехотном батальоне и занимал должность провиантмейстера в Петропавловской крепости, однако обзавелся ли он семьей в зрелом возрасте, установить невозможно (после 1756 г. данные о семейном положении исчезают из списков, как было указано выше).

Возрастные показатели 59 холостых унтер-офицеров в целом выглядят следующим образом: менее 31 года исполнилось 25 из них, от 31 года до 40 лет — 14 чел., от 41 года до 50 лет — 15 чел., 51 год и выше — 5 чел. Пожалуй, не будет преувеличением утверждать, что значительное большинство среди них еще вполне могли рассчитывать на обзаведение семьями. Приведенный выше пример Ф. Хлебникова показывает, что молодые унтер-офицеры 1740-х гг. имели шанс дослужиться до обер-офицерских чинов, что влекло за собой получение личного дворянства, а такое изменение статуса неизбежно означало расширение круга социальных связей офицера, повышая вероятность удачной женитьбы. Лишь немногие в середине XVIII в. уже встречали старость, оставаясь холостыми либо по убеждению, либо в силу каких-то неблагоприятных жизненных обстоятельств. Интересной в этом отношении выглядит фигура Лариона Белого, в 1748 г. бывшего квартирмейстером 4-й роты Вологодского

полка. Рейтарскому сыну, уроженцу г. Великие Луки, к тому моменту исполнилось 60 лет, причем он каким-то образом сделался владельцем 20 душ совместно со своим родным братом. Через год он был уже вахмистром, ему пожаловали чин прапорщика и перевели в Олонецкий полк, где он продолжал службу в 1755 г.[22] В данном случае, казалось бы, такая карьера, пусть и очень затянувшаяся, могла облегчить ему обзаведение семьей, однако он и в 1755 г. по-прежнему оставался холостяком.

Впрочем, гораздо больше нас интересуют те 30 человек, которые успели обзавестись семьями. К сожалению, невозможно установить численность детей в их семьях, поскольку, как уже отмечено выше, в списках указывалось только наличие сыновей, а если у офицера рождались дочери, то никакой информации об этом официальная документация не содержала. Сыновья отмечены у шестерых из 30 человек, но вряд ли мы ошибемся, предположив, что у какой-то доли из оставшихся 24 могли быть дочери. На это указывают, в частности, возрастные показатели этих лиц: менее 31 года исполнилось шестерым из них, от 31 года до 40 лет — 12 чел., от 41 года до 50 лет — 8 чел., 51 год и выше — 4 чел. У многих из них по крайней мере можно предполагать наличие дочерей. Кстати, сам факт преобладания среди них людей среднего возраста показывает, что даже несение военной службы в низших унтер-офицерских чинах вкупе с «неблагородным» происхождением отнюдь не всегда становилось непреодолимым препятствием для налаживания семейной жизни. При этом некоторые из них, скорее всего, попадали в ряды армии уже женатыми. По крайней мере в одном случае это очевидно: 57-летний каптенармус 2-й роты Олонецкого полка Петр Дьяков, выходец из церковных причетников Ярославского уезда, начал службу только с 1737 г., т.е. будучи уже 45 лет от роду[23]. При этом он почти 10 лет служил сначала рядовым, затем ротным писарем, и только в 1748 г. стал подпрапорщиком, а через год — каптенармусом. Трудно предположить, чтобы он вступил в брак, уже находясь в рядах драгун, гораздо более вероятен вариант женитьбы, случившейся до поступления на службу, как указывает П. П. Щербинин: «Женщина могла стать солдаткой (солдатской женой, рекруткой, женой нижнего воинского чина) при следующих обстоятельствах: 1) призыве мужа-крестьянина или мещанина в рекруты или солдаты; 2) заключении брака с рекрутом или солдатом срочной службы; 3) выходе замуж за отставного или отпускного солдата. Понятно, что наиболее распространенной была первая категория, когда статус солдатки и перевод женщины в военное сословие происходили после отправки мужа в армию»[24].

Дворцовый крестьянин Нижегородской губернии Григорий Шуваев, подпрапорщик 4-й роты Нотебургского полка, пошел на службу в 1717 г., когда ему исполнилось 23 года, однако нынешний чин получил лишь в 1743 г.[25] Трудно определить, успел ли он жениться в молодости или обзавелся семьей, уже став рядовым солдатом. П. П. Щербинин отмечал двойственность положения жен рядовых солдат до 1764 г., когда, с одной стороны, «сложности для семейной

жизни солдата и тяжелые условия для совместного проживания, отсутствие средств приводили к тому, что большинство женщин-солдаток оставалось на прежнем старом месте жительства», а с другой — что «офицеры признавали благотворное влияние семейной жизни на нравственность, поведение солдата и его отношение к службе. Поэтому они при наличии благоприятных обстоятельств старались не препятствовать устройству солдатом своей семейной жизни. Командиры полков отмечали, что семейные солдаты становились степеннее и рассудительнее, имели определенные цели и прочные привязанности»[26]. Изданная в 1764 г. «Инструкция пехотного полка полковнику» прямо гласила: «Не только солдатския, но и штаб и обер и унтер офицерския жены при полку имеют в тех же квартирах жить, где их мужья, а нижних чинов жены, (кроме тех, кои из дворян,) без позволения и пашпорту полковаго никуда отходить, или инде где жить немогут»[27]. В первой половине и середине столетия, вероятно, сосуществовали обе тенденции, отмеченные П. П. Щербининым.

Молодые унтер-офицеры, скорее всего, вступали в брак, уже состоя на военной службе, с учетом того, в каком возрасте они пополняли ряды армии. Каптенармус 11-й роты Нотебургского полка 28-летний Иван Елизарьев, сын подмосковного священника, стал солдатом в 1737 г., когда ему исполнилось только 17 лет, но уже в 1742 г. достиг нынешнего чина[28]. Вероятно, выслужившись из рядовых в унтер-офицеры, он мог получить и возможность жениться. Его сослуживец Яков Безруков, 30-летний солдатский сын из г. Павловска, начал военную карьеру 18-летним рекрутом в 1736 г., но уже через пять лет добрался до чина сержанта. Есть основания предполагать, что семьей он обзавелся уже в армии. Правда, он не последовал за полком в Сибирь, поскольку в списке стоит помета: «У ревизии мужеска полу в Воронежской губернии» с весны 1744 г.[29] Следовательно, сержант Безруков продолжал оставаться в местах прежней дислокации полка, очевидно, вместе со своей супругой.

У нескольких молодых унтер-офицеров, еще не имевших детей мужского пола в конце 1740-х гг., в дальнейшем вскоре появлялись сыновья. Киевский уроженец, 28-летний солдатский сын Емельян Власов, квартирмейстер 4-й роты Олонецкого полка, вообще был зачислен на службу в 14-летнем возрасте, так что точно вступил в брак, уже находясь в рядах русской армии. А в 1752 г. у него родился сын Кирилл, который, как фиксировал смотровой список полка в 1755 г., «живет при нем»[30]. Значит, супруга Власова также должна была проживать вместе со своим мужем, т.е. либо последовала за ним в Сибирь в середине 1740-х гг., либо, будучи местной уроженкой, вышла за него замуж во второй половине 1740-х гг. Аналогичным образом складывалась жизнь у подпрапорщика той же роты и ровесника Власова Тимофея Вострого, дворцового крестьянина из-под Юрьева-Польского, попавшего в рекрутский набор 1737 г. еще 16-летним подростком. В 1753 г. у него родился сын Данило, и по данным полкового списка 1755 г., содержавшим ту же помету «живет при нем», сам Тимофей Востров состоял ординарцем у подполковника

фон Мониера в крепости св. Петра (будущей Петропавловской), надо полагать, проживая там вместе с женой[31]. Как видим, семейная жизнь у унтер-офицеров, выслужившихся из рядовых и заключавших браки в молодости, в дальнейшем складывалась достаточно благополучно.

Впрочем, в таких семьях дети могли появляться и до прибытия в Сибирь. У младшего вахмистра гренадерской роты Олонецкого полка Ивана Носова, 43-летнего рейтарского сына из Перемышльского уезда, служившего с 1731 г., показан сын Михаил, родившийся в 1737 г., и сказано о нем «живет в доме». Правда, по данным на 1755 г. Носов показан уже не имеющим сыновей, т.е. его сын, вероятно, умер, не достигнув и 18-летнего возраста[32]. Его сослуживец Семен Медведев, происходивший из однодворцев Козловского уезда, к 47 годам сумел достигнуть только чина подпрапорщика, и у него также был показан 12-летний сын Давыд[33]. Квартирмейстер 3-й роты того же полка Яков Сенков (рейтарский сын из г. Великие Луки), которому исполнилось уже 54 года, видимо, обзавелся семьей достаточно поздно, поскольку его сыну Ивану на тот момент было всего шесть лет, т.е. он родился как раз незадолго до передислокации Олонецкого полка за Урал[34]. Уже находясь в Сибири, Сенков в 1747 г. попал в какую-то темную историю по обвинению «якобы за смертное убийство крестьянина, коего по следствию не нашли». Тем не менее по приказу командующего армейскими частями за Уралом генерал-майора Х. Киндермана он был наказан батогами и разжалован в рядовые до выслуги.

У одного унтер-офицера родной отпрыск был уже фактически взрослым человеком. Каптенармус гренадерской роты Вологодского полка Петр Бредихин, сам уже человек немолодой (ему исполнился 51 год), происходил из однодворцев г. Старого Оскола и пошел на военную службу с 1720 г. В 1732 г. у него родился сын, тоже Петр, который ныне, по достижении 16 лет, как было сказано, «живет в доме своем»[35]. Можно предполагать, что последний либо оставался с матерью в том доме, которым обзавелся их отец на прежнем месте службы (до 1744 г. Вологодский полк квартировал в Казанской губернии), либо вернулся в родной отцовский дом в Старом Осколе. Поэтому мы не можем утверждать с полной уверенностью, что жена и сын сопровождали Бредихина-старшего при переводе на восток к новому месту службы. Однако в двух случаях мы совершенно точно можем заключить, что женатые унтер-офицеры находились в рядах своих частей вместе с семьями.

Оба унтер-офицера состояли в 1-й роте Нотебургского полка. Каптенармус Матвей Селезнев, из тверских посадских, попал в армию в возрасте 20 лет (в 1737 г.), а сейчас ему исполнился 31 год. В начале 1748 г. его сыну Андрею исполнилось лишь полгода[36]. Это означает, что Селезнев либо, находясь уже в Сибири, недавно женился, и сын был у него первенцем, либо был женат до перевода в Сибирь (когда у него могли появиться одна или несколько дочерей), но супруга все время находилась вместе с ним (поскольку относительно его новорожденного сына было сказано «живет при нем»). Заметим, что карьера

Селезнева в дальнейшем развивалась достаточно успешно — уже в 1751 г. он получил первый обер-офицерский чин прапорщика, а в 1754 г. сделался полковым комиссаром[37].

На целых 10 лет старше Селезнева был подпрапорщик той же роты Прокофий Страхов. Сын монастырского крестьянина из Воронежской губернии, он до сих пор не смог получить серьезного повышения из-за того, что в первой половине 1730-х гг., только попав на службу, пытался бежать из полка, но был пойман и наказан шпицрутенами. В 1748 г. его новорожденному сыну Петру также было всего полгода[38]. Следовательно, к нему также относится все сказанное относительно двух вариантов выше, только с поправкой на более зрелый возраст. Впрочем, это не должно удивлять: по данным, которые приводил П. П. Щербинин, почти в половине семей рядовых военнослужащих даже к концу XVIII в. мужья были в среднем старше своих жен на 10–15 и более лет[39]. Следовательно, как показывают приведенные примеры, унтер-офицеры сибирских полков могли становиться отцами как в молодом возрасте, так и по достижении зрелых лет, хотя понятно, что в последнем случае их жены должны были быть моложе своих мужей.

Проживание с семьей в расположении полка неизбежно должно было порождать ряд бытовых проблем, которых избегали холостяки. Прежде всего это касалось, конечно, постоя на квартирах у городских и сельских обывателей[40]. П. П. Щербинин указывал, что уже с 1730-х гг. для женатых полагались по закону дополнительные площади, однако замечал, что «забота правительства не была связана с пониманием важности совместного проживания супругов, а лишь отражала стремление контролировать солдатское потомство. Не случайно в указах Анны Иоанновны подчеркивалось, что хотя женам солдатским неприлично жить в казармах, но от разлучения их с мужьями пропадает много солдатских детей, которые потом могли бы быть обращены в службу. Таким образом, проясняются причины того, что военные власти не возражали против совместного проживания солдат и солдаток в расположении частей»[41]. Известные нам данные свидетельствуют, что аналогичным образом правительство смотрело и на сыновей унтер-офицеров. Так, на протяжении 1740-х — первой половины 1750-х гг. в Новоучрежденном гарнизонном драгунском полку служил в унтер-офицерских чинах тобольский сын боярский Федор Раздуев. Когда его сын Иван достиг 16-летнего возраста, он сразу был определен в тот же полк, начал армейскую карьеру ротным писарем, а в 1770-х гг. дослужился до поручика. В формулярном списке Ивана Раздуева его происхождение определялось так: «Из унтер-офицерских детей»[42]. Есть и другие примеры подобного рода.

Аналогичная по основным параметрам картина наблюдалась и в отношении тех немногих обер-офицеров из состава четырех полевых полков, о которых сохранились соответствующие данные. Выходцев из «неблагородных» среди них вообще было очень немного, а сведения о семейном положении приведены только для семерых. Из них женатыми были четверо, холостыми — трое.

Все эти трое были еще достаточно молодыми людьми (их возраст колебался в пределах 26–34 лет), находились на службе с ранней юности. Впрочем, двое из троих, капитан Олонецкого полка Александр Хотьянов и прапорщик Нотебургского полка Михаил Бушуев, через несколько лет (в 1755 г.) были показаны в списках уже женатыми[43]. Среди четверых семейных один — капитан Вологодского полка Семен Кривоносов — был уже очень пожилым человеком (ему исполнилось 72 года!), но остальные — также относительно молодыми (от 31 года до 37 лет). Из них только один поручик Вологодского полка Никита Атласов имел 8-летнего сына[44]. Соотношение холостяков и женатых, а также имеющих либо не имеющих сыновей, как видим, оказывается близким к тем пропорциям, которые отмечены нами выше в отношении унтер-офицеров.

Изученные материалы, на наш взгляд, позволяют сформулировать некоторые выводы, хотя и с определенной долей условности. Во-первых, выявленная нами численность женатых и неженатых среди унтер-офицеров сибирских полевых полков в середине XVIII столетия не подтверждает ни одну из двух крайних точек зрения, высказанных ранее другими исследователями. Так, Г. В. Калашников в заключении своего диссертационного сочинения достаточно безапелляционно утверждал: «Посвящая свою жизнь военной службе, офицеры поздно — обыкновенно в возрасте старше 45 лет — заводили семьи, а около трети офицеров оставалось бессемейными до конца жизни»[45]. Как отмечено нами, значительная часть, если не большинство унтер-офицеров вступали в брак еще до достижения 40, а тем более 45 лет. С другой стороны, П. П. Щербинин посчитал возможным заявить (правда, в отношении рядового состава), что «в середине XVIII в. около половины военнослужащих были женатыми»[46]. По нашим данным, унтер-офицеры, не обзаведшиеся семьями, все же составляли относительное большинство (более 60%), хотя некоторые из них впоследствии женились.

Во-вторых, время и обстоятельства вступления в брак у этих лиц могли оказываться весьма разнообразными. Нами отмечены (хотя и с определенной гипотетичностью) случаи как обзаведения семьей еще до поступления на военную службу, так и заключения брачных уз во время пребывания в рядах регулярной армии, причем даже с вариантами женитьбы в Сибири на представительницах местного населения. В трудных условиях «восточной окраины», отдаленной как от центра страны, так и от их родных мест, унтер-офицеры, переведенные сюда из губерний Европейской России, изыскивали возможности жить «своим домом» с супругами (или женились), у них рождались сыновья (и дочери)[47].

В-третьих, обращает на себя внимание малочисленность данных о потомстве в унтер-офицерских семьях. Сыновья, как уже говорилось выше, отмечены лишь у 20% из числа женатых унтер-офицеров, хотя у некоторых из остальных 80% дети мужского пола все же появлялись в дальнейшем. Для объяснения этого, пожалуй, можно согласиться с мнением Г. В. Калашникова: «Из-за поздних браков и неустроенности быта в офицерских семьях не бывало много

детей: в редких случаях до совершеннолетия доживало более 3 сыновей»[48]. Семьи с двоими и более сыновьями нами вообще не выявлены, а вот случай, когда унтер-офицерский сын скончался, не достигнув совершеннолетия, имеется. Неустроенность быта, а также невозможность совместного проживания супругов в ряде случаев действительно должны были приводить к снижению демографического потенциала семей военнослужащих вообще и унтер-офицеров в частности.

Наконец, не будем забывать и о том, что данные, которыми мы оперируем, охватывают только лиц недворянского происхождения, следовательно, имевших невысокий уровень материально-имущественного достатка, что служило дополнительным препятствием для вступления в брак. Можно предположить, что данные относительно дворян, служивших как в обер-, так и в унтер-офицерских чинах, содержащиеся в материалах Герольдмейстерской конторы Сената и других источниках, помимо формулярных списков, покажут несколько иную картину, чем нарисованная нами. Однако мы видели свою задачу в том, чтобы показать необходимость серьезного изучения избранной нами проблемы, а также оценить возможности одного из комплексов источников, на основе которых это возможно сделать.

---

1 К сожалению, это характерно даже для лучших исследований, как уже считающихся классическими, так и относительно недавних. См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995.

2 Так, С. В. Волков отвел на характеристику семейного положения офицеров лишь несколько страниц в рамках своей монографии, при этом уделив внимание только периоду второй половины XIX — начала XX в. См.: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 278–282.

3 *Карпущенко С. В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII — начала XX в. М., 1999. С. 13–150; *Охлябинин С. Д.* Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004.

4 См., напр.: *Щербинин П. П.* 1) Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004; 2) Жизнь русской солдатки в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79–92.

5 *Калашников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 133–138.

6 В качестве исключения можно назвать считанное число работ. См.: *Рабинович М. Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 133–171; *Киппис Б. Г.* О социальном составе и боевом опыте офицерского и унтер-офицерского корпуса российской армии в XVIII столетии // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. СПб., 1992. С. 44–62. Унтер-офицерскому и рядовому составу сибирских полков посвящен отдельный параграф в монографии Г. Ф. Быкони: *Быконя Г. Ф.* Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. С. 182–218.

[7] Характеристика круга обязанностей унтер-офицеров дана по: *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730 гг. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 27.

[8] *Татарников К. В.* Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: В 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 9. Правда, такие смотровые списки продолжали составляться вплоть до 1756 г.

[9] Там же. С. 12.

[10] Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 490. Оп. 1. Д. 306, 309, 314, 339. Пятым из полевых полков в Сибири был на тот момент Ширванский пехотный, однако его смотровой список 1748 г. фактически утрачен — в архивном деле уцелели лишь первые несколько листов (Там же. Д. 337).

[11] См. об этом: *Дмитриев А. В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2017. С. 115–132.

[12] *Дмитриев А. В.* Драгунские полки русской армии на службе в Сибири в середине XVIII века (1740-е годы) // Исторический ежегодник. 2009: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. С. 216–229.

[13] В гренадерских ротах не было вакансии подпрапорщика, зато добавлялись сержанты и вахмистры. Поэтому в гренадерской роте полевого пехотного полка насчитывалось по трое сержантов, драгунского — по двое вахмистров (старший и младший).

[14] *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801. С. 69.

[15] Здесь и далее — подсчет наш.

[16] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 339. Л. 135 об., 136; Д. 491. Л. 149 об., 150.

[17] Там же. Д. 306. Л. 62 об., 63.

[18] Там же. Л. 5 об., 6.

[19] Там же. Д. 309. Л. 42 об., 43, 121 об., 122.

[20] Там же. Д. 314. Л. 83 об., 84, 111 об., 112.

[21] Там же. Оп. 5. Д. 324. Л. 500 об., 501.

[22] Там же. Оп. 1. Д. 314. Л. 54 об., 55; Д. 339. Л. 44 об., 45; Д. 491. Л. 167 об., 168.

[23] Там же. Д. 339. Л. 45 об., 46, 119 об., 120.

[24] *Щербинин П. П.* Солдатские жены в XVIII — начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2006. Iss. 4/5. URL: http://journals.openedition.org/pipss/493. Автор также отметил, что только «с 1744 г. жены рекрутов должны были оставаться на прежних местах жительства».

[25] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 306. Л. 84 об., 85.

[26] *Щербинин П. П.* Солдатские жены...

[27] Инструкция пехотнаго полку полковнику, с приложением форм штатов и табелей. СПб., 1764. С. 32.

[28] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 306. Л. 222 об., 223.

[29] Там же. Л. 61 об., 62, 166 об., 167.

[30] Там же. Д. 339. Л. 75 об., 76; Д. 491. л. 80 об., 81.

[31] Там же. Д. 339. Л. 61 об., 62; Д. 491. Л. 64 об., 65, 182 об., 183.

[32] Там же. Д. 339. Л. 11 об., 12; Д. 491. Л. 148 об., 149.

[33] Там же. Д. 339. Л. 46 об., 47.

[34] Там же. Л. 11 об., 12, 60 об., 61.

[35] Там же. Д. 314. Л. 9 об., 10.

[36] Там же. Д. 306. Л. 23 об., 24.

[37] Там же. Д. 460а. Л. 2 об., 3.

[38] Там же. Д. 306. Л. 24 об., 25.

[39] *Щербинин П. П.* Солдатские жены...

[40] См. об этом: *Лапин В. В.* Постойная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 135–164; *Субботина (Яковлева) Л. Е.* Натуральный постой в XVIII–XIX вв.:

через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник Тамбов. ун-та. Гуманитарные науки. Тамбов, 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.

[41] *Щербинин П. П.* Солдатские жены...

[42] РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 241. Л. 100 об., 101; Д. 281. Л. 114 об., 115; Д. 367. Л. 84 об., 85; Д. 439. Л. 102 об., 103; Оп. 5. Д. 324. Л. 507 об., 508.

[43] Там же. Оп. 1. Д. 306. Л. 23 об., 24; Д. 339. Л. 89 об., 90; Д. 460а. Л. 120 об., 121; Д. 491. Л. 96 об., 97.

[44] Там же. Д. 314. Л. 92 об., 93.

[45] *Калашников Г. В.* Офицерский корпус... С. 273.

[46] *Щербинин П. П.* Солдатские жены...

[47] Ряд примеров того, как складывалась семейная жизнь армейских офицеров в Сибири в середине — второй половине XVIII в., содержится в мемуарах одного из представителей многочисленного клана сибирских дворян Андреевых, см.: Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871.

[48] *Калашников Г. В.* Офицерский корпус... С. 273.

**References**

BESKROVNY L. G. *Russkaya armiya i flot v XVIII veke. Ocherki.* [Russian army and navy in the 18th century. Essays. In Russ.]. Moscow, 1958.

BYKONYA G. F. *Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoi Sibiri v XVIII — nachale XIX veka (demografo-soslovnyi aspekt).* [The Cossacks and other service population of Eastern Siberia in the 18th — early 19th century (demographic and social aspect). In Russ.]. Krasnoyarsk, 2007.

DMITRIEV A. V. *Dragunskie polki russkoi armii na sluzhbe v Sibiri v seredine XVIII veka (1740-e gody)* [The Dragoon regiments of the Russian army in Siberia in the middle of the 18th century (1740s). In Russ.] // Istoricheskii ezhegodnik. 2009: Sbornik nauchnykh statei. Novosibirsk, 2009. P. 216–229.

DMITRIEV A. V. *Russkaya regulyarnaya armiya v Sibiri (1725–1796): osobennosti voennoi sluzhby na "vostochnoi okraine" Rossiiskoi imperii v XVIII stoletii.* [Russian regular army in Siberia (1725–1796): the features of military service on the "Eastern margin" of Russian empire in the 18th century. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2017.

*Domovaya letopis', pisannaya kapitanom Ivanom Andreevym v 1789 g.* [Family annals, written by Captain Ivan Andreev in 1789. In Russ.]. Moscow, 1871.

*Instruktsiya pekhotnago polku polkovniku, s prilozheniem form shtatov i tabelei.* [Instruction for the colonel of infantry regiment, with the application of forms for states and report cards. In Russ.]. St. Petersburg, 1764.

KALASHNIKOV G. V. *Ofitserskii korpus russkoi armii v 1725–1745 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk.* [Officer corps of Russian army in 1725–1745: Thesis of cand. hist. sc. In Russ.]. St. Petersburg, 1999.

KARPUSHCHENKO S. V. *Armeiskie budni: kazarma, kasha. kazna, kaftan* [Army everyday life: barracks, porridge, treasury, coat. In Russ.] // Byt russkoi armii XVIII — nachala XX v. Moscow, 1999. P. 13–150.

KIPNIS B. G. *O sotsial'nom sostave i boevom opyte ofitserskogo i unter-ofitserskogo korpusa rossiiskoi armii v XVIII stoletii* [About the social origin and combat experience of the officer and non-commissioned officer corps of the Russian army in the 18th century. In Russ.] // Ekonomicheskie i sotsial'no politicheskie problemy otechestvennoi istorii. St. Petersburg, 1992. P. 44–62.

LAPIN V. V. *Postoinaya povinnost' v Rossii* [Housing service in Russia. In Russ.] // Angliiskaya naberezhnaya, 4: Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov. St. Petersburg, 2000. P. 135–164.

LEONOV O. G., ULYANOV I. E. *Russkaya pekhota, 1698–1801: Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie.* [Russian infantry, 1698–1801: Military chronicle, organization, uniforms, weapons, equipment. In Russ.]. Moscow, 1995.

OKHLYABININ S. D. *Povsednevnaya zhizn' russkoi armii vo vremena suvorovskikh voin.* [Russian army's everyday life in the times of Suvorov's wars. In Russ.]. Moscow, 2004.

RABINOVICH M. D. *Sotsial'noe proiskhozhdenie i imushchestvennoe polozhenie ofitserov regulyarnoi russkoi armii v kontse Severnoi voiny* [Social origin and property status of the regular Russian army's officers at the end of the Northern War. In Russ.] // Rossiya v period reform Petra I. Moscow, 1973. P. 133–171.

SHCHERBININ P. P. *Soldatskie zheny v XVIII — nachale XX v.: opyt rekonstruktsii sotsial'nogo statusa, pravovogo polozheniya, sotsiokul'turnogo oblika, povedeniya i nastroenii* [Soldiers' wives from the 18th to the 20th century: the reconstruction experience of social and legal status, sociocultural character, behavior and sentiments. In Russ.] // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2006. Iss. 4/5. URL: http://journals.openedition.org/pipss/493 (date of access: 15.04.2021).

SHCHERBININ P. P. *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII — nachale XX v.* [Military factor in the daily life of a Russian woman in the 18th — early 20th century. In Russ.]. Tambov, 2004.

SHCHERBININ P. P. *Zhizn' russkoi soldatki v XVIII–XIX vv.* [Life of Russian soldier's wife in the 18th–19th centuries. In Russ.] // Voprosy istorii. 2005. N 1. P. 79–92.

SUBBOTINA (YAKOVLEVA) L. E. *Natural'nyi postoi v XVIII–XIX vv.: cherez l'goty k tsivilizovannym formam otnoshenii armii i naseleniya* [Natural housing in the 18th–19th centuries: through benefits to civilized forms of relations between the army and the population. In Russ.] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2007. Iss. 2 (46). P. 136–140.

TATARNIKOV K. V. *Predislovie* [Foreword. In Russ.] // Posluzhnye i smotrovye spiski russkoi armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhfondovyi ukazatel': In 3 vols. Moscow, 2013. Vol. 1. P. 3–42.

TATARNIKOV K. V. *Russkaya polevaya armiya 1700–1730 gg. Obmundirovanie i snaryazhenie.* [Russian field army in 1700–1730. Uniforms and equipment. In Russ.]. Moscow, 2008.

VOLKOV S. V. *Russkii ofitserskii korpus.* [Russian officer corps. In Russ.]. Moscow, 2003.

## ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**А. В. Дмитриев. Семейное положение унтер-офицеров полевых полков Русской армии в Сибири середины XVIII века // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 60–73**

*Аннотация:* Статья посвящена анализу данных о семейном положении унтер-офицеров нескольких полевых полков русской регулярной армии, дислоцированных на территории Сибири в середине XVIII в. Хотя в смотровых списках полков эти данные указывались только для лиц недворянского происхождения, сведения о почти 90 унтер-офицерах дают возможность установить численность холостых и женатых лиц, а среди последних выделить отдельно имевших сыновей. Изучение смотровых списков показало, что доля женатых среди унтер-офицеров этих полков составляла чуть более трети, а сыновей имели лишь 20% из этих лиц. При этом в большинстве случаев браки заключались военнослужащими в относительно молодом возрасте. Кроме того, отмечены случаи совместного проживания супругов в расположении воинских частей. Исследованные материалы позволяют скорректировать существующие в историографии точки зрения относительно того, насколько благоприятствовали или не благоприятствовали условия военной службы созданию семей. Установлено, что, несмотря на невысокое социальное происхождение и связанный с этим соответствующий уровень материального благосостояния, нижние офицерские чины имели возможности для вступления в брак, нередко еще неся службу рядовыми. Этому не препятствовало даже их отдаление от родных мест, связанное с передислокацией рассматриваемых полевых полков в Сибирь. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости углубленного изучения поставленной проблемы на материалах конкретных воинских частей в различных регионах Российской империи. Только анализ данных по целому ряду полков может позволить получить достаточно полную картину семейного положения офицерского корпуса русской армии, в том числе унтер-офицеров.

***Ключевые слова:*** семейное положение, унтер-офицеры, русская регулярная армия, полевые полки, Сибирь, середина XVIII в.

**FOR CITATION**

**A. V. Dmitriev. Marital status of non-commissioned officers of Russian army's field regiments in Siberia in the middle of the 18th century // Petersburg historical journal, no. 2, 2021, pp. 60–73**

*Abstract:* The article analyzes the data on the marital status of non-commissioned officers of several field regiments of the Russian regular army stationed in Siberia in the middle of the 18th century. Although in the inspection lists of the regiments, this data was indicated only for persons of non-noble origin, information about almost 90 non-commissioned officers makes it possible to determine the number of unmarried and married persons, and among the latter to single out those who had sons separately. A study of the inspection lists showed that the proportion of married non-commissioned officers of these regiments was slightly more than a third, and only 20 % of these individuals had sons. At the same time, in most cases, marriages were arranged by military personnel at a relatively young age. In addition, cases of joint residence of spouses in the location of military units were noted. The studied materials allow us to correct the existing points of view in historiography regarding how favorable or unfavorable the conditions of military service were for the creation of families. It is established that despite the low social origin and the corresponding level of material wealth, the officers of lower ranks had the opportunity to marry, often while serving as privates. This was not hindered even by distance from their native places, because of the relocation of their field regiments to Siberia. These results indicate the need for an in-depth study of the problem on the materials of specific military units in various regions of the Russian empire. Only the analysis of data on a number of regiments can provide a complete picture of the family status in the officer corps of the Russian army, including non-commissioned officers.

***Key words:*** marital status, non-commissioned officers, Russian regular army, field regiments, Siberia, middle of 18th century.

*Автор:* **Дмитриев, Андрей Владимирович** — д. и. н., доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета.

*Author:* **Dmitriev, Andrey Vladimirovich** — Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Novosibirsk State University.

**E-mail:** khaldeus@academ.org

ORCID: https://orcid.org/0000–0001–9211–0407